

Ф.Г. Жарский

Тюрин

Тюрин Андрей Прокофьевич — персонаж рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», бригадир 104 бригады. «Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа», провел в заключении девятнадцать лет. Лицо Тюрина «в рябинах крупных, от оспы... против ветра не поморщится... кожа на лице — как кора дубовая». «...Голова его уже старая. Стрижена коротко, как у всех» и много «седины меж его сероватых волос рассеяно». Тюрин «в плечах здоров, да и образ у него широкий».

Тюрин живет вместе со своей бригадой в одном бараке, на одежде его также нарисован краской номер, на работу его гонят в одном строю с бригадой. Он хорошо знает жизнь и быт лагеря, его порядки, писанные и неписанные законы, ...лагерный обычай знает напрожогу. Это позволяет ему в немыслимо тяжелых условиях жизни выживать самому и беречь людей своей бригады. Тюрин бригаду из барака «на развод минутой раньше не выгонит». Но и бригада знает, если Тюрин «сказал — “выходи!” — значит, край выходить».

«“Ну, Тюрин, сколько ждать? Опять тянешься?” — кричит ему у линейки на разводе младший нарядчик», но бригадир «ему и дых по морозу зря не погонит, топает себе молча. И бригада за ним по снегу: топ-топ, скрип-скрип».

Заклученные уважают Тюрина и слушаются беспрекословно, ибо от него зависит их жизнь. «Смехуечками он бригаду свою не жалуется, а кормит — ничего, о большой пайке заботлив».

С утра Тюрин идет в «штабной барак, к нарядчикам». «Сегодня судьба решается — хотят их... бригаду фугануть... на новый объект “Соцгородок”». «А Соцгородок тот — поле голое... Там ...месяц погреться негде будет — ни конурки...». «Какую-нибудь другую бригаду, нерасторопную, заместо себя туда толкнуть. Конечно, с пустыми руками не договоришься. Полкило сала старшему нарядчику понести. А то и килограмм».

В результате хлопот Тюрина бригаду назначили на прежнее место, «опять в свою колонну... на Соцгородок победней да поглупей кого погонят».

«Бригадиру сала много надо, — рассуждает Шухов, — и в ППЧ нести, и свое брюхо уталкивать. Бригадир хоть сам посылки не получает — без сала не сидит. Кто из бригады получит — сейчас ему дар несет. А иначе не проживешь».

«Бригадир в лагере — это все: хороший бригадир тебе жизнь вторую даст, плохой бригадир в деревянный бушлат загонит... С начальником лагеря... с прорабами, с инженерами Шухов дела не имеет: ...езде его бригадир застоит, грудь стальная у бригадира. Зато шевельнет бровью или пальцем покажет — беги, делай. Кого хошь в лагере обманывай, только Андрей Прокофьевича не обманывай. И будешь жив».

Главная задача бригадира Тюрина — хорошо процентовку закрыть, то есть отчитаться в благополучном проценте выполнения плана работ. «От процентовки больше зависит, чем от самой работы. Который бригадир умный — тот не так на работу, как на процентовку налегает. С ей кормимся. Чего не сделано — докажи, что сделано, за что дешево платят — оберни так, чтоб дороже. На это большой ум у бригадира нужен. И блат с нормировщиками. Нормировщикам тоже нести надо».

Тюрин прекрасный организатор и руководитель труда бригады. Как только привели бригаду на объект, он «быстро стал разнаряжать», четверых «послал большой растворный ящик неподалеку взять... Еще двоих послал в инструменталку... Четверых нарядил снег чистить... Еще двоим велел а зале... печь топить... Одному цемент на санках везти... И двоим воду носить, а двоим песок, и еще одному из-под снега песок тот очищать и ломом разбивать».

Шухову с товарищем-каменщиком, которые после обеда должны стены класть, самым умелым и мастеровым, Тюрин поручил и машинный зал утеплить. «Там три окна больших, их в первую очередь чем-нибудь забить. Я вам еще людей на помощь дам, только думайте, чем забить. Машинный зал будет нам и растворная, и обогревалка. Не нагреем — померзнем как собаки...»

Изменились обстоятельства, и «бригадир... перестановку затеял: Шухова — трубу к печке ладить, чтоб скорей растопить», его товарищу ящик растворный чинить, двое — ему на помощь, четвертому — «на топор» и планок долгих наколоть, чтоб на них толь набивать... Откуда планок брать? Чтобы обогревалку сделать, на это прораб досок не выписет. Оглянулся бригадир и все оглянулись, один выход: отбить пару досок, что как перила к трапам на второй этаж пристроены. Ходить — не зевать, так не свалишься. А что ж делать?»

Тюрин умеет держать в бригаде дисциплину. Когда не вовремя «сунулись ребята греться... бригадир предупредил: «Эх, сейчас кого-то в лоб огрею! Оборудуйте сперва!» «Мороз лют, но бригадир лютей. Разошлись ребята опять по работам».

Но дисциплина в бригаде держится больше на уважении к бригадиру и вере в него. «Начальник и в рабочий-то час, — размышляет Шухов, — работягу не сдвинет, а бригадир и в перерыв сказал — работать, значит работать. Потому, что он кормит. И зря не заставит».

К тому же Тюрин и сам труженик и мастер. Отдав необходимые распоряжения и наладив работу, он кладет стену вместе с другими каменщиками.

Наконец вся подготовительная работа проделана. Наступила минута отдыха. Бригада собирается у печки. Тюрин вернулся из конторы, куда ходил закрывать процентовку. «Шу-шу — среди ребят. Повеселели ребята... тихо говорят: бригадир хорошо процентовку закрыл. Веселый пришел». «“Хорошо закрыл” — значит теперь пять дней пайки хорошие будут...»

«Не шумит бригада... Сгрудились — и на огонь смотрят. Как семья большая, — поясняет автор. — Она и есть семья... Слушают, как бригадир у печки двум-трем рассказывает. Он слов зря никогда не роняет, уж если рассказывать пустился — значит, в доброй душе».

О себе Тюрин рассказывает мало. Он из раскулаченной семьи, но скрылся из деревни, оказался далеко, в армии. «...Год писем домой не писал, чтоб следа не нашли. И живы ли там, ничего не знал, ни дома про меня». Стал он отличником боевой и политической подготовки, стрелком-пулеметчиком, первым номером. Ему в это время — «в тридцатом году... двадцать два годика было».

Но вот на него в часть «бумажка пришла», второй год Тюрина ищут. Комполка «подписал приказ — шесть часов и за ворота выгнать... А на дворе — ноябрь. Обмундирование зимнее содрали, выдали летнее, б/у, третьего срока носки, шинельку кургузую... И лютую справочку на руки: “Уволен из рядов... как сын кулака” ...Добираться мне поездом четверо суток — литеры железнодорожной не выписали, довольствия не выдали ни на день единый...»

Хитростью и с помощью ленинградских студенток, ехавших с практики и прикрывших Тюрина плащами на третьей полке, доехал он до Новосибирска.

Позже узнал Тюрин, что и обидчики его — комполка и комиссар — расстреляны в тридцать седьмом. А одну из укрывших его в вагоне девочек встретил Тюрин в лагере и отблагодарил, устроив перевод с общих работ в портняжную мастерскую.

«Домой я ночью пришел с огородов, — продолжает рассказ Тюрин. — Отца уже угнали, мать с ребяташками этапа ждала. Уже была обо мне телеграмма, и сельсовет искал меня взять. Трясемся, свет погасили и на пол сели под стенку, а то активисты по деревне ходили и в окна заглядывали. Тою же ночью я маленького братишку прихватил и повез в теплые страны... Кормить было нечем, что его, что себя. Во Фрунзи асфальт варили в котле, и шпана кругом сидела».

Попросил Тюрин шпану взять братишку в обучение и теперь жалеек «что и сам к блатным не пристал...». Брата он больше никогда не встречал, а сам мыкается по лагерям.

Однако меняется жизнь и в лагерях. Идет уже 1951 год. Заключенные дают отпор мучителям. Стукачей уже резать стали. «Троих зарезали, а лагеря не узнать».

Во время работы пришел на объект «еще один дозорщик, еще один начальник — строительный десятник Дэр» («из зэков, сволочь хорошая, своего брата зэка хуже собак гоняет»), кричит «и глаза навывкате». Увидел, оказывается, украденный толь, которым закрыли, по указанию Тюрина окна, утеплив помещение.

«...Дэр кричит, слюной брызгает: Это не карцером пахнет! Это уголовное дело, Тюрин! Третий срок получишь!»

Испугался Шухов. Не за себя. Знает, «бригадир его не продаст. Бойтся за бригадира. Для нас бригадир — отец, — размышляет Шухов, — а для них — пешка. За такие дела ВТО-рой срок на севере бригадиру вполне паяли».

Но и Тюрин не лыком шит и бригада за него горой. «Ух, как лицо бригадирово перекосило! Ка-ак швырнет мастерок под ноги! И к Дэру — шаг! Дэр оглянулся — Павло лопату наотмашь подымает... И Сенька... тоже руки в боки и подошел. А он здоровый, леший. Дэр заморгал, забеспокоился, смотрит, где пятый угол. Бригадир наклонился к Дэру и тихо так совсем, а явственно: “Прошло время, заразы, срока давать. Ес-сли ты слово скажешь, кровосос, — день последний живешь, запомни!..” — “Ну что вы, что вы, ребята!” — Дэр бледный стал — и от трапа подальше. Ничего бригадир больше не сказал, поправил шапку, мастерок поднял изогнутый и пошел к своей стене...»

«Пошел себе Дэр по полю, съежился... Неприятно ему, небось. А и думать надо, прежде чем на такого волка идти, как Тюрин, — думает Шухов. — С такими бригадирами он бы ладил, ему б и хлопот ни о чем: горбить не требуют, пайка высокая, живет в кабине отдельной — чего еще? Так ум выставляет».

Рабочий день заканчивается для бригады благополучно. «Бригадир ходит, обсматривает, сколько выполнили. Доволен: “Хорошо положили, а? За полдня. Без подъемника, без фуемника”».

В такие моменты он способен и на шутку. Смеясь говорит он Шухову, узнав, что у того есть свой удобный, по руке, мастерок, не казенный, который Шухов зажилил и не сдает в инструменталку, а прячет на стройке: «Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет!»

И Шухов чувствует, что сейчас можно пошутить с бригадиром и позволяет себе иронию: «Что, гадство, день рабочий такой короткий. Только до работы припадешь — уж и съем!»

Опоздавшего при возвращении с работы в строй Шухова Тюрин выручает перед конвоем, сумев объяснить причину опоздания и взяв вину на себя.

С достоинством ведет себя Тюрин в бараке перед надзирателем, требующим от бригадира объяснительные записки заключенных, у которых обнаружена была при утреннем обыске неположенная одежда. «Пишут!» — уверенно ответил Тюрин. — «Сдать надо было уже». — «У меня — малограмотные, дело нелегкое (речь идет о кинорежиссере и капитане второго ранга). Ручек нет, чернила нет». — «Надо иметь». — «Отбирают...»

«Ну и молодец бригадир, — восхищается Шухов, — никогда за словом не запнется!»